

из Федерального закона №193-ФЗ от 27.07.2010 г. «Об альтернативной процедуре разрешения споров с участием посредника (процедуре медиации)»¹ подходят и для практики разрешения спортивных конфликтов.

Процедура медиации предоставляет спортсмену явные преимущества: эффективность (договорённости, достигнутые в добровольном порядке, как правило, выполняются по законам совести и чести), конфиденциальность (тайные «сделки» спортсмена не раскрываются широкой публике), равноправие (в медиации учитывается справедливое равноправие, в том числе это касается оплаты процедуры медиации), отсюда вытекает защита интересов «слабой стороны» в дилемме «спортсмен – федерация», ориентация в споре на интересы, а не позиции сторон, быстрота (ограниченные законом рамки проведения процедуры медиации), стоимость процедуры (в буквальном и переносном значении), самостоятельный выбор посредника-медиатора и места проведения процедуры медиации. Это явные преимущества, но есть и другие, например, гуманитарные принципы. Они вполне согласуются с мировоззренческой установкой спортсменов всех федераций, в том числе восточных единоборств (верность, вежливость, мужество, правдивость, простота).

С. М. Марков

СКАЗ О ЛОГИКЕ А. КУРБСКОГО, ГЛАГОЛЕМЫЙ ДЛЯ СОВРЕМЕННЫХ ЮРИСТОВ

*Возлюбленный и чтимый русский народ.
Если труды мои окажутся достойными
всякой милости, примите их с любовью...*
Иван Фёдоров. «Апостол» (1564)

Сказ о логике А. Курбского («Сказ Андрея чего ради сии написах» – добавление к переводу Иоганна Спаненберга «Trivii erotemata» (в трактовке А. Курбского «О силлогизме»)) – первая печатная книга по логике, изданная на русском языке в Вильно в 1586 г. Логика для А. Курбского – это органон познания, средство для тренировки разума, метод обоснования политико-правовых учений,

¹ См.: Федеральный закон №193-ФЗ от 27.07.2010 г. «Об альтернативной процедуре разрешения споров с участием посредника (процедуре медиации)» // КонсультантПлюс // URL : <http://www.consultant.ru/online/>.

аналитика власти (самодержавия). Логику А. Курбский трактует по-аристотелевски (как учение о демонстративных доказательствах), а применяет в качестве метода изложения политико-правовых взглядов в письмах к Ивану IV Грозному и в труде «История о великом князе Московском».

Впервые рукопись И. Спаненберга была опубликована К. В. Харламповичем в 1900 г. в журнале «Киевская старина», но и после более чем столетнего пребывания в научной среде остаётся мало известной научной общественности. В первую очередь потому, что историков и филологов она не интересует, а логики и юристы, работая врозь, не уделяют должного внимания этому важному культурологическому тексту, оказавшему влияние на политико-правовую полемику второй половины XVI века. При этом сам факт обращения к силлогистике для обоснования политических взглядов уже имеет значимость и для политиков, и юристов. А то, что «Сказ о логике» А. Курбского – первая печатная книга по логике, изданная в Вильно в 1586 г. в типографии купцов Луки и Кузьмы Мамоничей¹, вообще требует отдельного осмысления. По другой версии, сказ А. Курбского о логике сначала был опубликован в учёных записках Казанского университета в 1873 г. М. Л. Петровским (Песковским). Первенство сегодня определить трудно, но известно, что К. В. Харлампович работал приват-доцентом, а затем профессором в Казанском университете. И всё-таки, зачем понадобилась логика опальному князю?

Этот вопрос рано или поздно должен быть решён. Есть мнения и гипотезы, но ответов пока нет. Основная трудность – недостаточность исторического материала и разночтения среди учёных по первоисточникам. Так, американский историк Э. Кинан считает, что труды А. Курбского представляют собой плод сочинений летописцев 20-х годов XVII века². В среде российских обществоведов (Д. С. Лихачёв, Р. Г. Скрынников, А. А. Зимин, А.И. Филюшкин и др.) тоже нет единогласия. Историки не могут определить, кто на кого ссылался (Исайя, Иван Федоров, Андрей Курбский, Иван Пересветов, Зиновий Отенский и др.). Суть проблемы заключается в том, что переписка А. Курбского с московским царём и другие его произведения дошли до нас в так называемом «Печёрском сборнике» 20-х годов XVII века. Оригиналы не сохранились. Вплоть до 30-х годов XIX века сочинения опального князя были известны в рукописных списках (всего около

¹ Братья Кузьма и Лука Мамоничи – купцы, книгоиздатели и общественные деятели Великого княжества Литовского (XVI – начало XVII века).

² Keenan Edward L. A Landmark of Kurbskii Studies. Harvard Ukrainian Studies. Ukrainian Research Institute Harvard University. Cambridge, Massachusetts. U.S.A. Vol. X. Number 1/2, June 1986. S. 241 – 248.

120). Впервые их опубликовал Н. Г. Устрялов, хотя попытки предания общественной гласности были предприняты Фёдором Поликарповым по заказу Петра I ещё в 1716 г. Сегодня они опубликованы во многих странах мира (Великобритания, Германия, Франция, Чехия и др.). Тем не менее, не все историки-медиевисты признают послания и переписку А. Курбского подлинными, хотя уже и не считают их «историческим недоразумением» (В. О. Ключевский). Расхождения во мнениях относятся к первоисточникам. Мы же выдвигаем гипотезу, согласно которой просветители и боярская оппозиция XVI века были знакомы с «Диалектикой» Иоанна Дамаскина, трудами Максима Грека, «Аристотелевыми вратами», Священным писанием и др. Попробуем её доказать нарративным путём.

Андрей Михайлович Курбский (1528 – 1583) – сначала ближайший сподвижник (правая рука) царя Ивана IV и советник (входил в состав Избранной рады), а затем опальный князь (1564), сбежавший под опеку короля Польши в Литву, историческая личность для XVI века авторитетная, более того – харизматическая. Аристократ, причислявший себя к интеллектуальной оппозиции, умелый воевода, политик, представлявший интересы вольнодумного боярства, организовавший в своём имении в Литве что-то вроде коллегіума для сподвижников (правда, иезуитское слово «коллегіум» он не терпел). Знал в совершенстве несколько европейских языков, включая греческий и латынь. Максима Грека считал своим духовным наставником. Переписывался с учёными Западной Европы, изучал и переводил сочинения Платона, Аристотеля, Марка Туллия Цицерона, Иоанна Дамаскина, Дионисия Ареопагита, Симеона Метафраста. Примечательно, что идеи и взгляды политиков и философов от Цицерона до Боэция и современников А. Курбского отчётливо просматриваются, более того, им же цитируются в переписке с Иваном IV и других посланиях¹.

Историческая фигура и политико-правовые взгляды А. Курбского – это весьма значимый культурологический пласт нашей духовной истории, требующий отдельного осмысления и оценки, из которого мы взяли для своих исследований лишь увлечение князя логикой, диалектикой, риторикой. Дело в том, что именно эти науки, пришедшие на смену старой местнической идеологии, выступили ориентирами новой государственной политики, в терзаниях зарождавшейся внутри дворцовых интриг Московской Руси. Косность политического мышления удельных князей, прописавшихся на постоянное место жительства в Кремлёвском дворце во времена правления Ивана III и давно забывших миропонимание

¹ Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским / Я. Лурье, Ю. Рыков, Д. С. Лихачёв. М. : Наука, 1993.

Андрея Боголюбского, надо было вытеснить новой философией. В целом, к этому было готово даже боярство, но шло к его решению разными путями. Одним из вариантов стало переосмысление античной философии.

Логику и диалектику, вслед за Иоанном Дамаскиным, А. Курбский рассматривал как органон познания, средство для тренировки разума (ссылаясь на Максима Грека) и как метод обоснования своих политико-правовых поучений (по Аристотелю и Симеону Метафрасту). И не правы историки, считающие, что Аристотель был неизвестен или малоизвестен древним русичам. Это относится как к натурфилософским и политическим трудам античного классика, так и к его методу. Известно, например, что, благодаря кружку «жидовствующих» (интеллектуально-гуманистической оппозиции царской власти в XVI веке), арабская версия Аристотеля («Аристотелевы врата») была весьма популярна среди бояр. В научной традиции, берущей начало в исследованиях М. Н. Сперанского, А. И. Соболевского, Д. М. Буланина, В. Вальденберга, В. П. Андриановой, Д. С. Лихачёва, А. А. Зимина, этот труд принято называть «Тайная тайных» («Книга, нарицаемая тайны») или книгой без названия. В европейской версии – «Secretum Secretorum».

«Аристотелевы врата», изданные в еврейской типографии Дамаска, и, согласно легенде, предназначенные для Александра Македонского, содержат поучения и советы античного философа императору Александру. Несмотря на запрещение «Аристотелевых врат» Стоглавым Собором 1551 г., эта книга всё равно тайно хранилась в частных библиотеках бояр. Более того, есть свидетельства, что к ней обращались не только бояре, но и цари. М. Н. Сперанский, например, «Аристотелевы врата» называет «Домостроем» для царей и правителей. Примечательно, что А. Курбский в посланиях к Ивану IV Грозному ссылался на политические наставления псевдо-Аристотеля, а Иван IV (в первом письме) – на еретическую (гадательную) часть «Аристотелев врат».

Последнее не позволяет нам согласиться с утверждением М. Н. Громова и Н. С. Козлова о том, что аристотелевский метод был неизвестен в Древней Руси¹. В действительности, сочинения Аристотеля появлялись в византийской, арабской, болгарской версиях и к XVI веку стали достаточно известны образованной общественности того времени. Косвенным подтверждением этому служит факт, что, начиная с эпохи Ивана III, Москва стала привлекательной для европейских просветителей и мастеровых (Аристотель Фиораванти, Антонио Джисларди

¹ Громов М. Н., Козлов Н. С. Русская философская мысль X – XVII веков. М.: Изд-во МГУ, 1990. С. 28.

(Антон Фрязин), Максим Грек). К этому времени Москва стала притягательной для умных, мастеровых и даровитых иностранцев, надеявшихся найти в Московии свои перспективы.

В Европе XVI века Аристотель уже стал главным философом, его труды включались во все энциклопедии, богословские трактаты, популярные книги. И об этом в Древней Руси не могли не знать, по крайней мере, книжники, дипломаты, политические деятели, государи, советники Избранной рады, летописцы и т.п. Цитаты и фрагменты из работ Аристотеля появлялись в популярных книгах: «Пчеле», «Домострое», «Шестодневах». Другое дело, что русичи и болгары отдавали предпочтение Платону и Сократу, которые более соответствовали восточно-христианской догматике и духовному образованию в духе наставничества. Этому поспособствовал и Максим Грек, относивший к еретикам Аристотеля и его философский метод. Но из этого вовсе не следует вывод о том, что Аристотель был совсем или почти неизвестен. Наоборот, московским дворянам как бы на выбор предлагались и Платон, и Аристотель. Обычно в Москве выбирали Платона, на западе – Аристотеля. Идеи Платона служили для духовного творчества, Аристотеля – для политико-философских откровений. Возвращаясь к отмеченной выше книге М. Н. Громова и Н. С. Козлова, отметим, что им после столь категорического заявления (о неизвестности аристотелевского метода в Древней Руси) в последующем пришлось в других главах своей монографии неоднократно упоминать Аристотеля и его метод, в том числе, при анализе политико-философского наследия Ивана IV и А. Курбского. Тем не менее, высказанная ими в начале книги мысль запечатлелась в виде мировоззренческой установки и сегодня начала тормозить эмпирические и теоретические исследования воздействия аристотелевского метода на русскую философскую, богословскую, политическую литературу прошлого. Настало время её переосмысления.

Системный анализ правовых взглядов А. Курбского показывает, что он был сторонником естественно-правовых учений в средневековом понимании правды и справедливости, а также ратовал за сословно-представительскую верховную власть, ограничивавшую волю царя советами близких сподвижников Избранной рады. В области политической философии А. Курбский проповедовал концепцию свободной воли («самовластной») в традициях трактата Аристотеля «О душе». Человек свободен, и эта свобода воплощается в социально-политическом пространстве (в православном измерении) как разумная деятельность, ограниченная законом (Аристотель) и правдой (Максим Грек). Как и Аристотель, он

выделял в душе разумную часть. Формирование разумной деятельности происходит через образование, воспитание, активную социальную позицию.

Как просветитель, но в духе своего времени, А. Курбский поддержал все начинания и реформы Ивана IV Грозного: реформу государственного управления, создание приказов вместо дворов, перепись земли и её перераспределение между служивыми людьми (дворянами), военную реформу, почтовую (ямскую), церковную (особенно), налоговую и др., а также вместе с А. Ф. Адашевым выступил активным разработчиком царского Судебника 1550 г. На последнем надо остановиться особо.

Судебная реформа Ивана IV не просто ограничивала власть княжеского суда на местах. Это, по сути, такое же эпохальное событие для Московской Руси, как судебная реформа 60-х годов XIX века. Её следует расценивать как попытку создания государственного суда в трёх инстанциях: суда государевых наместников общей юрисдикции, приказного суда, введившего принцип судебного расследования в духе того времени, апелляционного суда Боярской думы или царского суда высшей инстанции. Отдельный статус получили церковные и вотчинные суды. Иван IV ввёл даже государственное (царское) помилование, ещё раз тем самым возвеличив царскую власть. Так, попавший в опалу Исайя, автор сочинений «Плач» и «Жалоба», не был казнён, несмотря на наветы своих противников, а был заточён в Каменец-Подольский монастырь, где и написал свои главные труды, в том числе, по медицине. Не забыл московский владыка, кто ему привёз царский титул из Царьграда от константинопольского патриарха. То же самое касается Максима Грека и многих других видных деятелей эпохи царя Ивана IV. Но вернёмся к Судебнику.

В Судебнике 1550 г. разделено гражданско-правовое и уголовное судопроизводство, появилось понятие «лихих» преступлений: разбой, грабёж, поджог, убийство, татьба, крамола (антигосударственные преступления: заговоры и мятежи), клевета, должностные преступления: посул (взяточничество) и казнокрадство, фальшивомонетничество и т.д. Но самое главное, что имеет значение для нашего исследования, введено судебное доказательство и расследование, а также состязательность по гражданским и не особо тяжким уголовным делам. Об этом говорит, в частности, судебный ордалий или судебный поединок. Судебные приставы и дьяки по протоколу (нововведение) должны были доказывать обвинение или невиновность обвиняемых, следуя новым судебным правилам, ориентируясь на состязательность и доказательность. Был введён особый язык судопроизводства (уставной язык). Всё это признаки корпоративной культуры!

В итоге произошло рождение новой касты судебных дьяков, которую впоследствии станут именовать юристами. Они-то и выступили инициаторами внедрения в судебные ордалии новых методов доказательств в виде логики, диалектики, риторики. Точно таким же образом логика, диалектика, риторика стали популярны в Древнем Китае и Древней Греции¹.

По всем этим пунктам А. Курбский не расходился с Иваном IV. Но он выступал против абсолютного самодержавного суверенитета. Идеал А. Курбского – православное христианское самодержавие, ограниченное Избранной радой. Идеология сословной княжеской власти, по его мнению, должна была соответствовать Священному писанию. Причём, для народных масс её следовало представлять через «Толковый псалтырь» Максима Грека, а для аристократов – через логику и диалектику Иоанна Дамаскина, великого учёного, жившего в Дамаске (Арабский Халифат) в VII – VIII веках. С этой целью А. Курбский перевёл «Диалектику» (точнее, «Философские главы») Иоанна Дамаскина, включив в неё после главы «О силлогизме» Иоганна Спаненберга и свой «Сказ о логике». Кроме того, добавил к своему сочинению «Сказание о древе Порфирия». Написал предисловие («Предисловие Андрея грехми преисполнена»). В результате получилось что-то вроде учебного пособия по диалектике и логике. При этом надо учесть, что занимаясь переводом труда Иоанна Дамаскина, А. Курбский держал в руках «Источник знаний» по богословию, этике, политике, истории, а диалектику («аже и логику») рассматривал как метод теоретического и практического познания (по Иоанну Дамаскину и Максиму Греку).

Впервые труд А. Курбского проанализировал знаток древнерусской письменности и литературы, редактор полного собрания сочинений В. А. Жуковского, профессор Казанского университета А. С. Архангельский². Известно, что «Диалектика» Иоанна Дамаскина входила в «Изборник Святослава»³. Логической частью «Изборника» было учение Аристотеля и Порфирия о категориях. Логика и диалектика в традициях того времени рассматривались как органы богословия. Историко-культурное влияние «Изборника» Иоанна Мансура для русской литературы бесценно, в том числе, с точки зрения введения в богослов-

¹ Марков С. М. Лекции по логике для юристов. Хабаровск: Изд-во ТОГУ, 2012. С. 32 – 45; 48 – 49, 51 – 52.

² Архангельский А. С. Очерки из истории западнорусской литературы XVI – первой половины XVII вв. // Чтения в Обществе истории и древностей российских. М.: Университетская типография, 1888. Кн. 1. Отд. 1. С. 1 – 135.

³ Гаврюшин Н. К. «Изборник» 1073 и «Диалектика» Иоанна Дамаскина // Советское славяноведение. 1983. № 4. С. 94 – 96.

ский и книжный оборот философских и логических понятий, а также приёмов изложения богословских и политико-правовых учений. Однако с этой версией не все историки и филологи согласны. Есть мнение (Д. С. Лихачёв, Г. Г. Шпет и др.), что философско-логический язык первых русских сочинений по диалектике «фантастически исковерканный» и даже «тарабарский». Далее мы попытаемся опровергнуть это предвзятое мнение.

Благодаря исследованиям А. И. Соболевского, П. К. Коковцева и молодого, но весьма перспективного логика питерской школы П. А. Шапчица¹, стало известно, что иностранные термины вводились в научный обиход в старославянском акценте. К тому же, и это достоверно, иностранная литература переводилась по схеме: греческий язык – латинский – церковнославянский – славянский. Поэтому при поверхностном чтении, тем более учёному, незнакомому с логической терминологией, они и воспринимаются как «тарабарские»². Но это лишь на первый взгляд. В современной Японии, например, иностранные слова тоже употребляются на национальный манер, и Х. Мураками это не смущает³.

В «Логике Авиасафа» XV века (логика жидовствующих) отработан оригинальный логический стиль изложения аристотелевской силлогистики (кстати, сегодня учебники по логике для юристов излагаются именно в этой композиции). Трактат состоит из 14 глав, именуемых «вратами». Отметим отдельные его категории: «осуд» (суждение), «держатель» (субъект), «одержанный» (предикат), «прилог» (утвердительное суждение), «уем» (отрицательное суждение), «одержанное» (категорическое суждение), «прилепное» (условное), «урезное» (разделительное), «рвнание» (силлогизм), «роженная» (логический вывод или умозаключение) и т.д. То есть, язык логики XV века совсем не «тарабарский». Кстати, в школе А. Курбского «Логика Авиасафа» была известна. Диалектику, логику, риторику, иногда математику использовали в своих философско-правовых доктринах и сподвижники А. Курбского.

Сам А. Курбский переводил «Диалектику» в течение более чем двух лет (с 1575 по 1577 гг.), снабжая издание комментариями, исправлениями и дополне-

¹ Соболевский А. И. Переводная литература Московской Руси XIV – XVII вв. : сб. Отдела русского языка и словесности Академии наук. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1903; Коковцев П. К. К вопросу о Логике Авиасафа // Журнал Мин-ва народ. просвещ. 1912. № 5 (май). С. 114 – 133; Шапчиц П. А. Очерки истории логики и логической терминологии Древней Руси // Актуальные проблемы русской философии и культуры: матер. студенч. конф. 19 мая 2006 г. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2007. С. 130 – 142.

² Шпет Г. Г. Очерк развития русской философии // Очерки истории русской философии. Свердловск: Изд-во Урал. гос. ун-та, 1991. С. 267.

³ Харуки Мураками (род. в 1949) – всемирно известный японский писатель и переводчик.

ниями (как было принято в то время). Комментарии – это перевод труда Иоганна Спаненберга «О силлогизме». Добавления: «Сказание о древе Порфирия» и «Сказ о логике». Свои переводы князь изложил в риторической форме, ориентируясь на рядового читателя, а для более продвинутых соратников просил достать ему что-нибудь более солидное. Первоначально А. Курбский использовал этот труд в качестве учебного пособия, а затем издал его в типографии Луки и Кузьмы Мамониной.

Что же переделал А. Курбский в кратком курсе логики Иоганна Спаненберга? Прежде всего, он ввёл собственное определение силлогизма, позволяющее отличать силлогизм от софизма, дал краткую характеристику энтимемы («энтимемы»), которую назвал «охропленным силлогизмом»¹. Проиллюстрировал примерами все три фигуры силлогизма и их модусы, убрал некоторые примеры, отредактировал непонятные термины, снабдив их дефинициями. Провёл различие умозаключений на демонстративные и вероятностные: «овые правду обрывают словесною силою и истине помогают, а овые сопотив правды глаголют». Из текстов его работ видно, что он прекрасно разобрался в логическом строении софизмов, которые называл «сатанинскими силлогизмами» (интеллектуальным мошенничеством). Например, в «Истории о великом князе Московском» хитро заметил: «Силлогизм псеношного старца». В связи с задуманным им планом, изменил композицию учебника, подстроив его под читателей, мало знакомых с логикой. В таком виде первая печатная книга по логике и была представлена для образованной публики.

Теперь можно обратиться к анализу стиля изложения политико-правовых учений А. Курбского. Предварительно заметим, что данная тема является малоизученной, даже несмотря на авторитетные исследования в этой области русских дореволюционных, советских и американских учёных. Дело в том, что одни историки и филологи (А. С. Архангельский, Я. С. Лурье, Д. С. Лихачёв, Р. Г. Скрынников, Э. Кинан и др.) обращали внимание, преимущественно, на литературно-художественные формы эпистолярного наследия А. Курбского, другие – на политические (Б. А. Рыбаков, А. А. Зимин), третьи – на либерально-политические (Б. В. Кобрин, Р. Г. Скрынников, Р. Пайпс). Но все исследователи обходили вниманием логико-философские трактовки посланий опального князя. Между прочим, он ведь не только Ивану IV Грозному строчил письма, но и другим сво-

---

¹ Энтимема (от. греч. *in thymos* – в уме) – логический вывод (силлогизм), в котором пропущена одна из посылок или заключение, или рассуждение в сокращённой форме, например: «Я мыслю, следовательно, существую» (Декарт).

им современникам. Правда, первостепенное значение всё равно имеет переписка с царём, поэтому без ответных писем поставленную задачу нам не решить. Для того, чтобы это сделать, надо внедриться в методы изложения двух политико-правовых идеологий: Ивана IV и А. Курбского. В самих общих чертах отметим, для Ивана IV Грозного характерен стиль платоновских диалогов, а для А. Курбского – аристотелевская аналитика. Это вполне коррелирует с двумя методологиями Афинской школы.

Напомним, что А. Курбский сбежал в Литву, где собрал в своём имении кружок единомышленников. Кстати, «перелёты» боярской аристократии и деловых людей в Польшу и Литву (одна уния с 1564 г.) до середины XVI века совсем не воспринимались современниками изменою (не случайно понятие государственной измены было введено в царский Судебник 1550 г.). Так, Иван Фёдоров (Москвитин), впервые напечатавший «Апостол» на старославянском языке, после разгрома монахами-летописцами его типографии (1565 г.) тоже переметнулся в Литву, которая в те времена служила русским примером для подражания. Боярская дума, например, называлась на польский манер «радой», а простой народ Литовского княжества предпочитал говорить по-русски. Государственные указы в Литве до второй половины XVI века также издавались на русском языке (судебник Казимира IV от 1468 г. и др.). Кстати, назывался этот судебник «Письмом» и представлял собой что-то вроде учебника по судопроизводству. Ситуация начала меняться лишь с 1586 г.

В сфере образования Литва и Польша тяготели к академическим школам (во второй половине XVI века на их территории стали открываться иезуитские школы), а Москва ориентировалась на монастырское духовное наставничество. Вокруг Максима Грека, например, образовался кружок «совопросников» (В. Патрикеев, Ф. Карпов, А. Курбский). Методики образования сильно различались. Так, в иезуитских школах наряду со Священным писанием преподавались семь светских наук, изучение которых требовало написания большого количества учебников и учебных пособий. Вот тут-то и пригодились сочинения Аристотеля, переведённые на латинский язык Боэцием Северином (480 – 524). Он же прокомментировал диаграмму логического квадрата и гипотетические силлогизмы, отзвуки которых встречаются у Максима Грека и А. Курбского, и «древо» Порфирия. Очень долгое время в Европе логика преподавалась по учебникам Боэция.

Сам князь А. Курбский был сторонником европейского образования. Правда, иезуитских школ не терпел, как и Максим Грек, который прекрасно знал, что

в итальянских школах господствуют Платон, Аристотель и подобные им. Религиозные догматы в них обязательно аргументировались «аристотелевскими силлогизмами» («Против латинян»¹). Кстати, до XVI века в рукописных «Шестоглавах» часто ссылались на Аристотеля. Косвенным подтверждением известности античных философов в Древней Руси является и их изображение на иконах в церковных храмах сначала в XVI веке в Новгороде (Новгородский Отенский монастырь), затем в XVII веке в Москве (Успенский собор в Кремле), а, возможно, и раньше. Изображения античных философов встречаются в храмах Новгорода, Пскова, Москвы, Ярославля и других русских городов. Так, например, после смерти Максима Грека в Благовещенском соборе Московского кремля были написаны его изображения на иконах в окружении Гомера, Платона, Аристотеля, Анаксагора (1564).

В то же время появились канонические требования писания икон с изображениями античных философов. Сохранились каноны писания наставника Академии: «Платон. Рус и кудряв, в венце; риза голуба, испод киноварь; рукою указывает во свиток». Те же требования предъявлялись и к изображению Аристотеля. Косвенно это говорит о том, что Аристотель и его метод были знакомы древним русским книжникам и образованным слоям общества. Все эти нововведения были описаны знатоком русских икон Н. Сперовским, магистерская диссертация которого «Старинные русские иконостасы» (1891) и по сей день признаётся русской культурологической классикой. Ради справедливости отметим и его мнение, что массовые изображения философов были канонизированы на Руси только в XVII веке².

В «Истории о великом князе Московском»³ А. Курбский со знанием дела использовал в полемике силлогизмы, индуктивные обобщения, топику, древо Порфирия, логические приёмы аргументации. А. С. Архангельский, Я. С. Лурье, Д. С. Лихачёв в своих исследованиях особо выделяют «книжный» (добавим – академический) стиль А. Курбского, противопоставляя его публицистическому (риторическому) стилю Ивана IV Грозного. Я. С. Лурье и Д. С. Лихачёв назвали его памфлетикой.

¹ «Против латинян» – одно из 365 сочинений Максима Грека, в котором он обличает аристотелевскую силлогистику, по его мнению, несовместимую с истинным религиозным воспитанием.

² Сперовский Н. Старинные русские иконостасы // Христианские чтения: Санкт-Петербургская православная духовная академия. 1892. № 1 – 2. С. 16 – 17.

³ Курбский А. М. Истории о великом князе Московском // Сочинения / под ред. Г. З. Кунцевича. СПб.: Русская историческая библиотека, 1914. Т. XXXI. С. 161 – 354.

Как нам представляется, в трёх письмах А. Курбского ощущается сильное влияние Максима Грека, которого сам князь назвал своим «превозлюбленным учителем». А согласно антропологии Максима Грека и Нила Сорского, душа человеческая состоит из трёх частей: чувственной (телесной), волевой (рассудочной) и разумной. При этом разумной части души отдаётся предпочтение (ум – «кормчий души»). Соответственно, и князь ориентировался на главенствующую роль ума (разума), используя его в качестве средства убеждения царя Ивана IV в необходимости перемены своей государственной политики (других орудий у А. Курбского не было). Но в методологическом плане он пошёл дальше своего учителя. Это произошло после его «перелёта» в Литву.

Увлечение логикой не умаляет значения риторики, в том числе и для А. Курбского. В третьем письме он изложил собственный перевод двух глав из труда Марка Туллия Цицерона «Paradoxa ad M. Brutum» («Парадоксы Брута»): «Против Антония» и «Против Клавдия». И всё-таки для А. Курбского характерен книжный (академический) стиль, состоящий из исторического и аналитического учения о государстве и праве. Не случайно В. О. Ключевский в своём «Курсе русской истории» ссылается на его послания как авторитетный источник. С тех пор повелось на Руси цитировать других авторов и ссылаться на первоисточники. При этом учебники первоисточниками среди историков не считаются. Возможно, именно поэтому, критикуя стиль Ивана IV Грозного, А. Курбский во втором письме поименовал послание царя «широковещательным и многоразумным», «ядовитыми словесы отрыгано», «ото многих священных словес хватано», «бабьями баснями».

Тем не менее, письма Ивана IV Грозного только на первый взгляд, да и то весьма поверхностный, кажутся наполненными алогизмами и грамматическими нелепостями (современники не случайно считали первого царя всея Руси «книжным человеком»). Об этом свидетельствует хотя бы то, что уже в то время многие европейские деятели, включая Римского папу и его окружение, пытались найти знаменитую «библиотеку Ивана Грозного». Поисками библиотеки ещё во второй половине XVI века занялись П. Джовио¹ и И. Веттерман². Её подлинность подтверждает австрийский дипломат С. Герберштейн³.

¹ Паоло Джовио (1483 – 1552) – итальянский гуманист, историк и писатель, филолог, большой любитель античных книг. Работал на Льва X, Климента VII, Козимо Медичи.

² Пастор Иоганн Веттерман из Дерпта, которого Иван IV Грозный, якобы, пригласил в 1570 г. для разбора и систематизации своей библиотеки

³ Герберштейн С. Записки о Московитских делах. Павел Иовий Новокамский. Книга о Московитском посольстве / введ., пер. и прим. А. И. Малеина. СПб.: Типография А. С. Суворина, 1908.

Библиотека Ивана IV Грозного, или Либерия, до сих пор остаётся русской легендой¹. Но в любом случае, русские цари и бояре до и после жизни Ивана IV Грозного собирали и хранили избранные книги, занимались переводами, правда, в основном богословской и юридической литературы. Так, А. А. Туровский отмечает, что Иван IV заказал митрополиту Макарию перевод Синтагмы, который был выполнен в Молдавии в 1556 – 1560 гг. Этот перевод до Москвы не дошёл, но сохранился и находится сегодня в архивах Львова².

Как показывает С. И. Николаев, во времена Ивана IV Грозного между Польшей, Литвой и Москвой были тесные и плодотворные литературные связи³. Иван Федоров, например, печатал свои книги на русском языке после отъезда из Москвы сначала в Литве, затем в Польше. Кстати, тесно сотрудничал с братьями Лукой и Кузьмой Мамоничами, владельцами типографии в Вильне, в типографии которых была издана первая русская книга по логике, а также с печатником Петром Тимофеевичем Мстиславцем.

Увлекался чтением умных книг и Иван IV Грозный. В письмах московского царя есть ссылки на древнерусскую литературу, «Шестоглавы», библейские тексты, летописи, «Диоптру» инока Филиппа, византийскую и римскую правовую литературу. Правда, в отличие от А. Курбского, делал он это по-царски, без конкретных указаний на первоисточники. Что же касается метода изложения, то он соответствовал сократовским диалогам Платона, то есть, выражаясь языком эристики, риторическому стилю. Такой текст поймёт не всякий современный юрист, а тем более – историки и философы предшествующей эпохи.

Апагогический метод аргументации Ивана IV Грозного явно читается в его письме в Кирилло-Белозёрский монастырь (1573)⁴. Тема послания – спор о монастырском уставе в свете взаимоотношений со светской властью. Послание было написано в ответ на монастырскую грамоту, в которой монахи просили царя о «наставлении» в связи с возникшим конфликтом между двумя монахами: Иваном (Ионной) Шереметевым и Василием (Варлаамом) Собакиным. Если кратко,

¹ См.: Белокуров С. А. О библиотеке московских государей в XVI столетии. М.: Типография Г. Лиснера и А. Гешеля, 1898; Библиотека Ивана Грозного: реконструкция и библиографическое описание / сост. Н. Н. Зарубин; подгот. к печати, примеч. и доп. А. А. Амосова; под ред. С. О. Шмидта. Л.: Наука, 1982.

² Туровский А. А. Южнославянские переводы XIV – XV вв. и корпус переводных текстов на Руси // Исследования. 2010. Ч. 1. С. 152.

³ Николаев С. И. Польско-русские литературные связи XVI – XVII вв. : библиографические материалы. СПб.: Нестор-История, 2008.

⁴ Послание в Кирилло-Белозёрский монастырь (1573) // Послания Ивана Грозного / подгот. текста Д. С. Лихачёва, Я. С. Лурье; пер. и коммент. Я. С. Лурье; под ред. В. П. Андриановой-Перетц. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1951. С. 162 – 192.

И. В. Шереметев (боярин, воевода, член Избранной рады) и И. И. Хабаров (боярин, воевода, дворецкий), приняв постриг, засели в Кирилловом монастыре, ведя там светский, довольно распутный образ жизни.

Начинается послание нарочито вопросительно с иронического восклицания Ивана IV Грозного: «Ува мне грешному! Горе мне окаянному! Ох мне скверному! Кто есмь аз на такую высоту дерзати?» – Кто же посмеет дерзать против монастырского устава? Даже царь Иван такого права не имеет. А далее из антитезиса выводятся следствия и сопоставляются с фактами. Узнаёте? Это логика апагогического доказательства. Не случайно современники называли Ивана IV Грозного «в словесной премудрости ритором». Продолжим логический анализ.

Иван IV Грозный утверждает тезис и антитезис: «Послабление в инокической жизни достойно плача и скорби! Вы же ради Шереметева и Хабарова преступили заветы чудотворца и совершили такое послабление». Из антитезиса выводит следствия и сопоставляет их с фактами: «Если мы по Божьему изволению решим у вас постричься, тогда к вам весь царский двор перейдёт, а монастыря уже не будет!» Зачем тогда монашество? Факты: великие светильники православия – Сергей, Кирилл, Варлаам и мн. др. преподобные Русской земли – установили крепкие уставы инокической жизни, необходимые для спасения души. А бояре, придя к вам, ввели свои распутные уставы. Шереметев сидит в своей келье словно царь, а Хабаров и другие чернецы к нему приходят и едят и пьют, словно в миру. Царь сравнивает их с иудейскими первосвященниками Анной и Катафой, главными виновниками распятия Христа. Это ли путь к спасению? Это ли монашеская жизнь? «Если вам устав Шереметева хорош, держите его, – продолжает царь, – а устав Кирилла плох, оставьте его». В этом месте применяется условно-разделительный комбинированный силлогизм. Вывод: монастырь поддерживается благочестием и монастырскими уставами русских святых. В противном случае мало-помалу крепкий монастырский уклад потеряет силу, а бояре его своими обычаями разрушат. «Без бояр монастырь не оскудеет», – делает логическое заключение Иван IV Грозный.

В посланиях к Василию Грязному (Ильину), попавшему в плен к крымским татарам в результате неудачного похода за языками, Иван IV Грозный предстаёт перед читателями мастером ораторского красноречия, умело применявшим в своём письме к пленнику риторические тропы и фигуры для опровержения тезиса оппонента, явно ориентируясь при этом не только на своего опричника, но и широкую публику, скорее всего, на крымского хана Девлет-Гирея и его ближайшее окружение. Напомним, письма Ивана IV Грозного к Василию Грязному

стали известны научной общественности благодаря Н. М. Карамзину, но интерес к ним в среде историков и филологов не угасает и сегодня. Однако логический анализ послания Ивана IV Грозного (сохранилось одно письмо) никто пока не проводил. Далее в своих исследованиях мы будем опираться на тексты и комментарии этого письма, выполненные П. А. Садиковым¹, добавив к ним переводы Д. С. Лихачёва и Я. С. Лурье.

Начнём с заголовка: «От царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Руси Василью Григорьевичю Грязному Ильину». Обращение явно предназначено для широкой публики. Далее автор пишет как бы Василию Грязному (судя по тексту), а на самом деле мы видим прокламацию к крымскому хану и христианским полоняникам, оказавшимся в его неволе.

Предыстория письма такова. Василий Грязной написал обращение к московскому царю, причём, явно под диктовку (к сожалению, это письмо не сохранилось) с просьбой выкупить его из крымского плена за 100 тыс. руб., либо обменять на полководца Дивея Мурзу. В качестве аргументов привёл свои заслуги перед царём и отечеством. На что Иван IV Грозный иронически заметил: «Писал ты, что за грехи взяли тебя в плен; так надо было, Васюшка, без пути среди крымских улусов не разъезжать; а уж как заехал, не надо было как при охотничьей поездке спать: ты думал, что в окольные места приехал с собаками за зайцами, а крымцы самого тебя к седлу и приторочили. Или ты думал, что и в Крыму можно так же шутить, как у меня, стоя за кушаньем?» Стиль письма – полемический в духе горгианского ораторского искусства, с применением метафор, гипербол, перифраз, поговорок, синекдохи, антитезы, риторических вопросов и других троп и риторических фигур. Риторические фигуры и поговорки использованы как средство аргументации с целью отвлечения оппонентов от главной темы. Например, «Вася дурует», т. е. играет в важного дипломата, «дати волю царю, ино и псарю», «дати слабость вельможе, ино и простому»; «если бы крымцы были бабами...» и др. Или: «и ради приближенья твоего тысячи две рублей дадим, а до сих пор такие и по пятьдесят рублей бывали; а ста тысяч выкупа ни за кого, кроме государей, не берут и не дают такого выкупа ни за кого, кроме государей». Царь Иван иронически уличил Василия Грязного в подвохе (некоторые перебежчики-опричники в 1571 г. участвовали в походе крымского хана на Москву): «Если б ты объявил себя маленьким человеком, за тебя бы в обмен Дивея не просили». Впрочем, царь, помня старые заслуги Василия Гряз-

¹ Садиков П. А. Царь и опричник (Иван Грозный и Василий Грязной и их переписка 1574 – 1576) // Века. Ч. 1. Пг., 1922. С. 73 – 78.

ного, передал через своего посланника Ивана Мясоеда жалованье и материально обеспечил членов его семьи. Но платить 100 тыс. за пленника наотрез отказался.

Для письма Ивана IV Грозного характерен живой диалог с оппонентом, а с логической точки зрения, метод «сведения к абсурду». Хорошо, рассуждал московский царь, допустим ты дорогой советник (опричник) и важный воевода. Но в отличие от тебя, Дивей большего стоит и более значимый полководец, отпустив которого, мы можем погубить многих христиан. «...Станет воевать (Дивей. – С. М.), да несколько сот христиан получше тебя пленит. Какая в том будет польза?» Здесь мы преднамеренно привели большие отрывки для того, чтобы показать внутреннюю логику публицистического таланта Ивана IV Грозного, характерную и для других сочинений царя, а также с тем, чтобы у читателя имелась возможность сравнить её с логикой А. Курбского.

Послания князя А. Курбского царю Ивану IV Грозному, впервые опубликованные профессором Санкт-Петербургского университета Н. Г. Устряловым в 1833 г. и впоследствии неоднократно переиздававшиеся¹, построены методом аристотелевской аналитики. Попробуем обосновать данное положение.

Начинается I послание² с риторических вопросов типа: «Зачем царь... воевод, дарованных тебе Богом для борьбы с врагами, различным казням предал... и притеснения измыслил, обвиняя невинных православных в изменах и чародействе, и в ином непотребстве...? В чём же провинились перед тобой и чем прогневали тебя христиане – соратники твои?» Затем А. Курбский плавно перешёл к своим проблемам: «Обо всём вместе скажу: всего лишён был и из земли Божьей тобою без вины изгнан. И воздал ты мне злом за добро моё и за любовь мою непримиримой ненавистью». Почему?

В качестве доказательств князь привёл отступничество Ивана IV Грозного от святой веры и беззаконие («кровопийство») против ближайших его соратников. Аргументировал свой политический памфлет ссылками на Священное писание, евангельские истории, цитировал русских святых и богословов, приводил исторические факты, на которые впоследствии ссылались Н. М. Карамзин и В. О. Ключевский, свои заслуги перед Отечеством и царём, своё благородное происхождение и т.п. В заключение, в III письме он воззвал: «Вспомни прошедшие дни и возвратись к ним. Зачем ты, безумный, всё ещё бесчинствуешь против

¹ См.: Устрялов Н. Г. Сказания князя Курбского. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1868; Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским / текст подгот. Я. С. Лурье и Ю. Д. Рыков; отв. ред. Д. С. Лихачёв. М.: Наука, 1993.

² Здесь и далее римскими цифрами указаны номера писем А. Курбского.

Господа своего? Разве не настала пора образумиться и покаяться и возвратиться к Христу? Пока ещё не отторгнута душа от тела, ибо после смерти не опомнишься, а в аду не исповедуешься и не покаешься. Ты же был мудрым и, думаю, знаешь о трёх частях души и о том, как подчиняются смертные части бессмертной. Если же ты не ведаешь, то поучись у мудрейших и покори и подчини в себе звериную часть Божественному образу и подобию...» (риторические вопросы → тезис → его дедуктивное обоснование).

Вслед за Н. М. Карамзиным принято считать, что главная фабула писем А. Курбского представлена концепцией «двух Иванов»: до и после введения опричнины. В целом, это правильно. Но с точки зрения логики, концепция А. Курбского выстраивается гораздо интересней, если анализировать все три письма как органически целое произведение, тем более что II и III письма, как известно, были отправлены царю одновременно, после окончания русско-литовской войны и переводов «Диалектики» (здесь мы отвлекаемся от дискуссионного «печёрского» аспекта).

Анализ всех трёх писем позволяет сделать вывод, что свои послания А. Курбский подстраивал под аналитику Аристотеля, не умаляя значимости диалектического метода! Исходный тезис: личная обида на московского царя за умаление его заслуг и устранение из рядов ближайших советников, исключение из Избранной рады. А далее начинается полемика-спор, по нашему мнению, рассчитанный на публику и потомков. И только затем, в контексте публичного спора, выдвигаются новые тезисы и аргументы. Центральным становится утверждение: «Иван IV Грозный предал Священное писание и евангельские заповеди». Но заканчивается аргументация весьма прозаично: «Вспомни же дни своей молодости, когда блаженно царствовал!» Вся аргументация соответствует диалектической схеме: тезис – антитезис – новый тезис. Вот он, диалектический метод, основанный на демонстративных доказательствах, принятый Н. М. Карамзиным, В. О. Ключевским, К. Д. Кавелиным и другими историками-исследователями русской старины. А что говорил сам князь А. Курбский о своём методе?

Во II письме он с сарказмом и издёвкой раскритиковал риторический стиль Ивана IV Грозного: «Широковещательное и многошумное послание твоё получил и понял, и уразумел... что не только учёным и знающим мужам, но и простым, и детям на удивление и на осмеяние, а тем более посылать в чужую землю, где *встречаются люди, знающие не только грамматику и риторику, но и диалектику и философию*» (выделено мной. – С. М.). Далее намекал на хамский словесный оборот царя и таким способом настраивал своего оппонента на науч-

ную дискуссию. Не хотел, как сам выражался, отвечать на каждое слово на самом деле большого и сумбурного послания царя, в котором отсутствует логическая конструкция. Действительно, письмо Ивана IV Грозного более похоже на устное извещение, а не письменный текст. А. Курбский предложил перевести дискуссию на «слог древних» и в дальнейшем даже приложил к письму свой перевод труда Марка Туллия Цицерона: «А ещё посылаю тебе две главы, выписанные из книги премудрого Цицерона...».

Но подлинный дар аристотелевской аналитики проявился у А. Курбского в его «Истории о великом князе Московском»¹. Приведём лишь один пример из этого сочинения, ярко характеризующий умение автора пользоваться в полемике демонстративными силлогистическими доказательствами: «Если царь поставлен на царство, а способностей на то ему от природы не дано, то должен искать доброго и полезного совета, и не только у советников своих, но и у всех своих подданных, поскольку духовный дар даётся не по богатству и не по силе царства, но по душевной мудрости, так как Бог не смотрит на могущество и гордость, а только лишь на правду сердечную и тем людям даёт свои дары, которые способны их воспринять своей душой. Ты же всё это забыл! И из уст твоих вместо благоухания смрад исходит». Здесь мы видим вариант комбинированного полисиллогизма в виде эпихейремы с элементами условно-разделительного умозаключения. Из подобных силлогизмов построена вся композиция «Истории», на которые указывает сам князь, настроенный, благодаря своим учителям, негативно против словесных вольностей и пафосно-простонародной манеры письма.

Сочинения князя А. Курбского, а также деятельность кружка «совопросников» привнесли в русскую интеллектуальную культуру логику, диалектику и риторику. Впрочем, отдадим должное царю Ивану: и через его эпистолярное наследие красной нитью проходит строгая логика, но в ином исполнении: «Царь – гроза не для добрых, а для злых дел: хочешь не бояться власти – делай добро, а делаешь зло, бойся, ибо царь не втуне носит меч – в месть злодеям». Однако особого значения Иван IV Грозный логике не придавал, отдавая предпочтение риторике (красноречию).

В «Истории о великом князе Московском» логико-риторический талант «книжника» А. Курбского проявился в полной мере, позволяющей воспринимать его высокообразованным просветителем и учёным XVI века. К тому же это произведение – последняя точка в его творческой эпопее. «Историю» вполне можно

---

¹ Курбский А. М. История о великом князе Московском / сост., вступ. статья, коммент. Н. М. Золотухина. Тольятти: Изд-во УРАО, 2001.

оценить и как политико-философскую теорию сословно-представительской монархии в контексте политико-религиозной дискуссии между Москвой и Западной Европой. Но её анализ – это предмет новой научной работы.

По мнению А. Курбского, логика – орудие познания и изложения правды (истины). Логика – аналитика мышления и изложения теории. Логику также надо использовать в борьбе с неправильными умозаключениями («сатанинскими силлогизмами»). Заниматься ею должны политики, правоведы, богословы: «Оучите же и навывайте её (логику. – С. М.) неленосне, иаще её добре навывкнете, оудобнее вам будет читати и разумети писания философские, яко наших великих учителей христианских, так и внешних философов»¹.

Значимость логики отмечена её высокой оценкой в XVII веке Николаем Спафарием-Милеску (1636 – 1708) – дипломатом и учёным, автором исторических, географических (описал Байкал, Амур, Китай, Монголию), богословских сочинений, первым издателем русской арифметики «Арифмологион» и других полезных книг. С 1671 г. переводчик, а затем дипломат Посольского приказа, он получил прекрасное образование в Константинополе и Италии. Думается, что Н. Спафарий-Милеску знал доподлинно пользу логики для умословия. Вот что он написал в конспективном изложении о ней: логике надо учиться «ради достоинства», так как логика – это орудие, органон, с помощью которого можно «благоразделить слово и довод учинити». Логика нужна «ради истинства», «ради сладости», т. е. благодати, спокойствия, «ради обладания истиной и устойчивым взглядом на вещи», «ради пользы, так как диалектика (яже и логика нарицается) есть... слияние божественного ума и царица человеческого разума»². О пользе риторики: «Риторика есть художество, яже учит слово украшати и увещевати»³. Именно эти рекомендации были преподнесены им царю Алексею Михайловичу и его детям.

Так начиналась логика в России. После А. Курбского появились новые знатоки логики, заслужившие отдельного внимания и почитания, хотя бы потому, что это были, в первую очередь, учителя богословия. Русская логика как светская теория в контексте предложенной парадигмы появилась в университетском образовании лишь в первой половине XIX века, а уже в середине того же столе-

¹ Цит. по: Харлампович К. Новая библиографическая находка. Переводная статья кн. А. М. Курбского: «От другие диалектики Иона Спанинберга о силлогизме вытолковано» // Киевская старина. Киев, 1900. Т. LXX.

² Спафарий Н. Эстетические трактаты / подгот. текста и вступ. статья О. Я. Белобородовой. Л.: Наука, 1978. С. 33.

³ Там же. С. 141.

тия вышла на передовые рубежи европейской науки. Снова движущим фактором её развития выступили преобразования в политической и правовой сферах, не последнюю роль сыграла судебная реформа Александра II. Все эти изменения по совокупности позволили логике занять своё место в методологии и методике преподавания университетских дисциплин. Но и тогда ей приходилось конкурировать с риторикой за право считаться первым методом образования и воспитания нормативно-демонстративного умословия первокурсников, обучавшихся по гуманитарным специальностям. Философы, филологи, журналисты, юристы, историки должны были изучать её в обязательном порядке. Высокий статус логики не смогли поколебать даже советские реформы 1930-х годов. Её сохранили для гуманитариев университетского уровня, правда, волонтаристским способом удалив из средней школы (просто вычеркнули из перечня дисциплин). Попытки вновь вернуть логику в образовательные учреждения после окончания Великой Отечественной войны по ряду причин оказались безуспешными. Однако в высшую школу логика всё-таки пробила. Иногда кафедры логики открывали, невзирая на трудности с их кадровым обеспечением. При этом, несмотря на все исторические метаморфозы русского вузовского образования, от его возникновения и до наших дней, для юристов логика всегда оставалась обязательной дисциплиной. Так было завещано Екатериной II. Ведь, по выражению И. В. фон Гёте, на курсах логики ум «приучат к дисциплине, чтоб взял он направленья ось, не разбредаясь вкривь и вкось»¹. Нравится юристам юридический догматизм!

Формальная или юридическая логика преподавалась юристам всегда, даже в самые тяжёлые для высшего профессионального образования годы. Благодаря их невольной поддержке русская логика ворвалась (в буквальном смысле) на мировую арену, к ней стали относиться достойно и с уважением учёные-логики всего мира. Но, как ни парадоксально, в 2010-е годы логику вычеркнули сначала из перечня обязательных для изучения дисциплин, затем из дисциплин по выбору и, наконец, факультативов. Если такое положение сохранится, ещё немного, ещё чуть-чуть, и мы вновь вернёмся к логической культуре первых Азбуковников, а, возможно, и далее в глубину истории – к толкованиям неразумных слов и терминов, так называемым, «Толкам неразумных словес», царских указов, приказов Боярской думы и казусов судебной практики. Для юристов это, по сути, означает отказ от юридического мышления. И вряд ли кто-нибудь теперь вспомнит в среде юристов слова кота Бегемота из пророческого в своей фантастично-

---

¹ Гёте В. Ф. Фауст / пер. Б. Пастернака / вводная статья и комментарий Н. Вильмонт. М.: Изд-во Худ. лит-ра, 1960. С. 22.

сти романа М. Булгакова «Мастер и Маргарита»: «Речи мои представляют не пачкотню, а вереницу прочно упакованных силлогизмов». Логика и риторика исчезнут из лексикона юристов-практиков.

К сожалению, в настоящее время логику исключили и из третьего поколения ФГОС ВПО для правоведа, переместив её из блока федеральных (обязательных) дисциплин в вариативную часть, т.е. отдали на откуп региональным вузам. Кто бы мог подумать, что местные «князья» похоронят её в анналах истории? Но это произошло. Так, в моей alma mater, Хабаровской государственной академии экономики и права, из учебного плана бакалавров (030900.62 «Юриспруденция») исключили логику, диалектику и риторику, а взамен поставили та-рабарские ОТСК, ЧИТМ, БЖД, КСЕ, аббревиатура которых не поддаётся у студентов расшифровке даже после сданных зачётов! В центре политико-правовых учений – ГЕОПОЛИТИКА. Аминь!

И в заключение – весьма кстати звучат слова поэта: «А всё-таки жаль: иногда над победами нашими встают пьедесталы, которые выше побед»¹.

В. Р. Фёдорова

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ФИНАНСОВОГО ПОВЕДЕНИЯ РОССИЯН: ИЗНАНОЧНАЯ СТОРОНА

Данная статья является продолжением темы критики как формы обратной связи². В ней наглядно отражены разные виды, приёмы, способы критики, в данном случае, связанные с особенностями финансового поведения людей.

Изнанка у каждого из нас ассоциируется с обратной, скрытой или отрицательной стороной чего-то или кого-то. Именно данный контекст мы предлагаем рассмотреть на примере финансового поведения россиян, разделив последних на две категории: тех, кто платит (или от кого зависит материальный доход: работодатели/руководители), и тех, кто получает плату: рядовые граждане (сотрудники). Данная статья не претендует на истину, но даёт определённую пищу для размышления.

¹ Слова из песни Булата Окуджавы «А всё-таки жаль» на стихи Галины Хомчик.

² См.: Федорова В. Р. Критика как форма обратной связи // DIXI – 2012... С. 187 – 204.